

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Библиотечка газеты

Лев Хорош

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКИЕ

ПЕТРОЗАВОДСК

Библиотечка газеты «Общинный вестник»

Лев Хорош

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКИЕ

ПЕТРОЗАВОДСК 2013

УДК 94 (470.22 = 411.16)
ББК 63.3 (2 Рос. Кар = 611.215)

X 82

Редактор Дмитрий Цвибель

Хорош, Лев

X 82 Судьбы еврейские /Лев Хорош; [ред. Д. Цвибель; Еврейская религиозная община]. – Петрозаводск: Принт, 2013, - 44 с. : ил. - (Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.14)

УДК 94 (470.22 = 411.16)
ББК 63.3 (2 Рос. Кар = 611.215)

ISBN 978-5-906514-02-8

НЕМНОГО О КОЛЛЕГАХ И О СЕБЕ

О первом главном инженере

Когда просмотрел, по первому разу, изданную в 2007 году книгу «История строительства в Карелии», обратил внимание и вспомнил, что сегодняшний петрозаводский железнодорожный вокзал был введен в эксплуатацию в марте 1955 года – за шесть месяцев до моего прибытия в Петрозаводск по направлению Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ). В то время я этого, естественно, не знал. А интересно то, что главным инженером строительной организации СМП-138 (сейчас – строительная компания «ВЕК»), построившей вокзал, был будущий первый главный инженер института «Карелпроект» Бергер Израиль Иосифович.

Израиль Иосифович появился сначала в проектной конторе «Совнархозпроект», куда был назначен Карельским Совнархозом на должность главного инженера конторы в 1961 году после перенесенного инфаркта (что часто случается со строителями). После образования в 1962 году института «Карелпроект» Израиль Бергер стал его главным инженером, а директором института был назначен Лобко Геннадий Акиндинович, ранее возглавлявший основную строительную организацию Карелии – «Карелгорсельстрой».

Пройдя большой путь в строительстве, особенно в системе Министерства путей сообщения (из системы МПС вышло много квалифицированных инженеров-строителей, занявших впоследствии руководящие посты в строительном комплексе республики), Израиль Иосифович быстро освоился в проектном деле, имеющем свою специфику... Но я не о производстве, а совсем о другом...

Выходец из Западной Украины, где больше говорили на украинском, польском и еврейском языках, чем на русском, Израиль Иосифович допускал частенько в русской речи забавные обороты и выражения, то есть обладал своеобразным лексиконом. Говоря, например, о ком-то, кто не прав или виновен, он говорил, что «у него рыльце в пушку» с ударением в слове «пушку» на первом слоге, не предполагая об абсурдности результата. Или: «Этому не может быть». Но коллеги реагировали нормально, никогда никто не иронизировал.

Вспоминается и другая ситуация. Бывали производственные споры между главными инженерами проектов и начальниками проектных отделов. И, естественно, хотелось разобраться, за кем должно быть последнее слово. Однажды на обращение к главному инженеру с просьбой рассудить, он ответил: «Вы оба полковники...» Как здесь не вспомнить анекдот о раввине, который в споре двух прихожан рассудил: «И Вы, и Вы правы», а когда жена раввина (ребецен) указала ему, что так не может быть, он ответил: «И ты права».

Попутно не могу не вспомнить (читал ранее) о выдающемся одесском педагоге-скрипаче начала XX века – Петре Соломоновиче Столярском, подготовившем большое количество выдающихся скрипачей, в том числе и Давида Ойстраха. Русской речью Столярский владел не вполне. О его оговорках, выражениях ходили легенды. Несколько примеров. Созданной им детской музыкальной школе-интернату при его жизни было присвоено наименование – «Школа имени профессора Столярского». Он говорил: «Школа имени мене». После одного из успешных выступлений питомцев в столице дал телеграмму в Одессу: «Школа прошла с большим фуражом», т.е. фурором. Любимому ученику Ойстраху: «Додик, не плутайся между ног, иди прежде», а имел в виду: «Не плутайся под ногами, иди впереди нас».

Вернемся к И.И. Бергеру... В один период с ним в институте трудился Донде Сергей Давидович (о нем отдельное воспоминание). Оба в прошлом строители-производственники и оба перенесли инфаркт. По достижении пенсионного возраста (в то время для мужчин – 60 лет), трудясь в институте, они дискутировали на тему, как правильней поступить – продолжать ли работать, или уйти на заслуженный отдых. С.Д.

Донде был сторонником продолжения работы, И.И. Бергер считал, что нужно выходить на отдых. Так они и поступили, руководствуясь каждый своими взглядами. Оба скончались в возрасте 66 лет, но в разные годы...

С. Д. Донде и кое-что о нем

Интереснейшим человеком был Сергей Давидович Донде. Энергетик по образованию, практически всю жизнь проработал в строительной отрасли. Оказавшись в Карелии, возглавил трест «Кондопожстрой», затем, не будучи в «любовных» отношениях с Обкомом партии, был отправлен в Питкярантское СМУ. После инфаркта пришел в институт «Карелпроект» и возглавил отдел подготовки проектирования, затем – плано-производственный.

Сергей Давидович, будучи высокообразованным, интеллигентным и остроумным человеком, быстро вписался в коллектив института и, можно сказать, стал его кумиром. Он имел массу интересов. Например, написал ряд производственных повестей (к публикации, правда, их не приняли – улавливали крамолу), был музыкален, слагал стихи по различным поводам и, прежде всего, к дням рождения коллег. Сергей Давидович написал несколько сценариев спектаклей для самодеятельного театра института – «МЭТЛА» (Малый эстрадный театр любителей аплодисментов), в которых сам участвовал.

В Ленинграде 13 марта 1976 года в институте «Гипробум» отмечался 60-летний юбилей нашего коллеги – главного инженера проектов реконструкции и развития Кондопожского и Сегежского ЦБК Бравого Моисея Наумовича. Сергей Давидович был знаком с ним со времен молодости – в один период трудились на Соликамском ЦБК, я же – главный инженер проектов института «Карелпроект», последние лет десять работал в контакте с Моисеем Наумовичем, занимаясь параллельно с институтом «Гипробум» проектами развития и застройки городов Кондопога и Сегежа.

Получив приглашение на юбилей, директор института Антохин Владимир Иванович принял решение направить в «Гипробум» Сергея Давидовича и меня. К этому событию Сергей Давидович сочинил стихотворное поздравление – значительную поэму, которую должен был зачитать на чествовании юбиляра (текст у меня сохранился). Не пришлось: по дороге в «Гипробум» на юбилей, в ленинградском метро Сергей Давидович Донде скончался... Через два дня – 15 марта – дата рождения Сергея Давидовича, к которой он успел купить в Ленинграде конфеты, чтобы по возвращении в Петрозаводск угостить сотрудников своего отдела...

К вопросу об остроумии Сергея Давидовича... К ноябрьским праздникам 1969 года сдавалось в эксплуатацию здание Дома политического просвещения (сейчас здание Филармонии), запроектированное Карелпроект (архитекторы – Т. Ковалевская и Э. Адалева). Существовала традиция: первое мероприятие в новом здании – торжественная часть и концерт – для строителей и проектировщиков. Торжественная часть затянулась и, естественно, в перерыве у мужского туалета (мужчин-строителей всегда больше, чем женщин) выстроилась огромная очередь. Кто-то из очереди заметил: «Проектировщики предусмотрели недостаточное количество туалетов», на что Сергей Давидович тут же громогласно среагировал: «Туалеты запроектированы по нормативам, х... развелось много!» Комментарии излишни!

Как утверждали Л. М. Шустера

Карелия, в плане национализма и экстремизма, всегда считалась республикой достаточно спокойной. Антисемитизм, как бытовой, так и на государственном уровне, почти не проявлялся.

Событие, о котором мне рассказали, происходило в 1971 году. В тресте «Сегежстрой» намечалось назначение нового управляющего – Шустера Леонида Михайловича, прошедшего все ступеньки роста в этом тресте. Казалось бы, что за проблема, при наличии вышестоящей строительной организации «Главсевзапстрой», которая и выдвинула эту кандидатуру. Однако, требовалось согласие Карельского обкома КПСС – номенклатурные должности всегда согласовывались с партийными органами.

Строительную отрасль курировал второй секретарь Обкома партии Василий Васильевич Чупий. Когда ему была представлена на согласование кандидатура Шустера, секретарь спросил: «Что, мы собираемся превратить строительную отрасль в синагогу?»

Анализируя причину такого вопроса, «перебираю» в памяти фамилии представителей «некоренной национальности» среди руководителей (первого-второго уровней) в строительном комплексе республики на тот период: Зайденберг, Донде, Бергер, Фарбер, Фрейдин, Менькович, Жадановский, Фактор... Действительно, вопрос мог возникнуть!

Леонид Михайлович Шустер все же был утвержден управляющим трестом «Сегежстрой», и стал сильным руководителем. Через несколько лет он был переведен в Петрозаводск (номенклатура, однако!). В 1982 году после объединения «Промстройтреста» и «Жилстройтреста» возглавил трест «Петрозаводскстрой» К сожалению, Леонид Михайлович рано ушел из жизни.

Когда я недавно напомнил историю с утверждением Л.М. Шустера одному из осведомленных евреев-пенсионеров строительного комплекса, то услышал от него, что Василий Васильевич был лоялен по отношению к евреям. Если это так, то его замечание о синагоге следует, видимо, отнести к проявлению своеобразного юмора.

От атеизма к национальным традициям

До начала 90-х годов XX века я никак не был связан с еврейскими национальными обычаями и традициями, историей и религией своего народа. Живя в Ленинграде, учась в школе, в институте, а затем, уже работая в Петрозаводске, мое внимание никогда не акцентировалось на национальности друзей, товарищей, коллег по учебе и работе. В то же время, я знал кто я по национальности, родители иногда говорили между собой на языке идиш и я кое-что понимал. Я знал, что людей нашей национальности не любят (и больше, чем не любят), но не представлял и не понимал почему и отчего, видимо потому, что не знал истории еврейского народа. Моя жизнь прошла, как у большинства моих сверстников: пионерия, комсомол, интернационализм, правда, членом партии никогда не был (об этом имеется отдельный сюжет).

В начале 1991 года узнал, что в Петрозаводске создано и зарегистрировано в Исполкоме горсовета Общество еврейской культуры «Шалом». А уже 9 сентября (1-го тишрея 5752 года от сотворения мира по еврейскому календарю) состоялся первый городской еврейский праздник Рош ha-Шана (еврейский Новый год), проходивший в здании Финского театра. Зал был полон, многие сидели на ступеньках амфитеатра. С этого момента я понял, что в городе не так уж мало евреев.

Активистами Общества проводилась большая разноплановая работа по формированию общины. Моего участия в работе Общества на том этапе практически не было. Посещал праздничные встречи, откликался на приглашение приобрести мацу на

Песах, либо продуктовый набор к какому-либо празднику. Помню, что первое арендованное обществом «Шалом» помещение было в доме по ул. Лисицыной, 30-а.

В Питере к началу 90-х годов уже существовал городской благотворительный фонд «Хэсэд Авраам». Постепенно он превратился в Центр не только для Северо-Запада, но и для стран СНГ. «Отцом» Хэсэдов СНГ стал Изя Сабаг – марокканский еврей, направленный ДЖОЙНТом поначалу в качестве волонтера на Украину, затем, благодаря удивительным способностям, оказавшийся в Петербурге.

В структуре «Хэсэда Авраам» трудился мой зять – муж сестры, Исаак Азриель. Вышедшего в отставку инженера-подполковника (строителя) кто-то уговорил стать главным инженером цеха (позднее превратился в завод) по изготовлению вспомогательного оборудования для инвалидов и пожилых людей (ходунки, костыли и т.п.). Его, как строителя, Изя Сабаг часто приглашал с собой в командировки, когда нужно было изучать и принимать решения по приобретению (или аренде) помещения для создания в очередном городе нового Хэсэда.

В 1997 году в Центре возник вопрос об образовании Хэсэда в Петрозаводске. Для его размещения Министерство культуры Карелии сдало во временную аренду часть помещения Краеведческого музея, ждущего капремонта, в торце исторического здания на площади Ленина (Круглой площади). Помещение требовало проведения ремонта с перепланировкой и необходимого обустройства. Мой зять подсказал в «Хэсэде Авраам», что в Петрозаводске работает его родственник – строитель, в результате чего, Дмитрий Цвибель, как заместитель председателя общества «Шалом» и директор-организатор Хэсэда в Петрозаводске, обратился ко мне, и я оказал определенную помощь в работе с подрядчиком по подготовке помещения.

С появлением в Петрозаводске «Хэсэда Агамим» (что-то вроде «Благотворительность на озерах») я и Елена (супруга) стали чаще общаться с членами общины и, прежде всего, по пятницам – на Шабатах, а также на других мероприятиях, проводимых Хэсэдом. Однажды, после беседы, проведенной в Центре национальных культур, Дмитрий Цвибель, председатель еврейской религиозной общины, обратился к присутствующим с просьбой поддержать посещение Синагогу. Прежде всего, он обратился к мужчинам. Уже потом я узнал, что для проведения любого религиозного обряда (молитвы и др.) необходимо не менее 10 мужчин-евреев. Решил «поддержать». Выяснил, что собираются в синагоге по Субботам в 10 часов утра в подвале жилого дома – единственном помещении на сегодняшний день, в котором размещаются все еврейские организации.

(Здесь уместно отметить, что в 2007 году, используя ряд подручных печатных источников, я начал составлять **для собственного воспитания и самообразования** «Краткую хронологию событий в истории еврейского народа».)

С первого же посещения синагоги (ноябрь 2008 г.) понял, что мне это очень интересно. Во-первых, это помогло пополнить и уточнить мою «Хронологию», дало возможность ознакомиться с молитвами и Свитком Торы, с религиозными обычаями и традициями. Кроме того, познакомился в синагоге со многими известными и интересными людьми. С некоторыми из них стал даже «перекидываться» отдельными фразами на идиш (фразы и слова стали «всплывать» из времени жизни в Ленинграде с родителями более 50 лет назад).

Самым неожиданным было то, что в синагоге и.о. раввина (ребе) оказался Ефим Львович (Лейбович) Левин, с которым, как инженером-электриком, я познакомился еще в 1960-61 годах в проектной конторе «Совнархозпроект» в работе над совместными проектами. Оказалось, что он был единственным членом общины, знавшим хорошо древнееврейский язык (учил его в детстве в хедере) и большим знатоком халахи – свода религиозных законов. К великому сожалению пообщаться с ним после моего прихода в синагогу удалось только по телефону: после тяжелой болезни Ефим Лейбович ушел из жизни в мае 2009 г. на 93 году жизни. А в июле не стало и бессменного председателя

общества «Шалом» Александра Львовича Модылевского... С огромной горечью нужно отметить, что уже все чаще и чаще уходят от нас ветераны-евреи.

В память о них и для поддержки общины решил для себя регулярно посещать синагогу и участвовать в ее мероприятиях. Именно здесь понимаешь слова: «Все евреи ответственны друг за друга» – ведь если не соберется миньян (десять мужчин), то некоторые молитвы нельзя читать, в том числе и в память об ушедших.

Родных сожгли в Велиже

Интернет помог мне восстановить примерный ход событий того, что произошло с евреями, в том числе с моими ближайшими родственниками по фамилии Хорош в городе Велиже Смоленской области с приходом туда немецких фашистов в 1941 году.

Велиж, родина моих родителей и многих родственников, находится на Западной Двине, в 134-х километрах от Смоленска и 87-ти километрах от Витебска. В летописях Велиж упоминается с конца XIV века. А в 1823 году внимание мировой общественности было проявлено к «Велижскому делу» – судебному процессу, в котором группу местных наиболее зажиточных и известных евреев обвинили в убийстве мальчика Федора в ритуальных целях. Несмотря на незаконные методы следствия и давление реакционных кругов, обвиняемых через 12 лет (столько длился процесс) оправдали, а лжесвидетелей сослали в Сибирь. «Велижское дело» даже нашло отражение в Советском Энциклопедическом словаре.

В XIX веке в Велиже насчитывалось 11 церквей, 8 синагог и 1 костел. Численность населения города: 1926 год – 10,5 тысяч человек, перед войной проживало 18 тысяч, в 1959 г. – 7,9 тысяч, по переписи 2002 года – 8,3 тысяч человек. По информации из Интернета, перед войной в Велиже «не менее половины населения – евреи», т.е. можно предположить, что евреев было 8-10 тысяч человек.

В 1945 году, после окончания войны, у нас в ленинградской коммунальной квартире по 7-ой Советской улице появился демобилизованный дядя Борис – родной брат моего отца. На какое-то время он поселился у нас. Из разговоров родителей с дядей Борей мне стало ясно, что когда он был призван в Красную Армию, семья его (жена и две дочери) осталась в оккупированном Велиже и погибла.

Велиж был оккупирован уже 13 июля 1941г., и немцы стали устанавливать свой порядок. Первое, что они сделали, – расстреляли всех коммунистов. Второе – уже 13 августа начали переселять всех евреев в гетто. Велиж – городок, который находился в черте оседлости. Зачастую еврейские дети до школы русского языка не знали. Школы были и еврейские, и русские. Были улицы, где проживало сплошь еврейское население. Две такие улицы огородили колючей проволокой, поставили охрану и никого оттуда не выпускали. Это и было гетто, в котором была страшная теснота. В доме, где раньше проживала одна семья, помещали 30-40 голодающих человек.

Евреев немцы начали расстреливать практически сразу. Подъезжала к гетто грузовая машина, и забирали молодежь поработать на оборонных работах. Молодые

ребята не роптали, так как сидеть без дела в тесноте гетто было нестерпимо. Их отвозили в лес и предлагали рыть траншею, а потом расстреливали из автоматов. Сначала родственники не беспокоились. Ведь неизвестно, куда и на какой срок их увезли. Уезжали все новые и новые группы. Но тайное всегда становится явным...

Наступила зима 1941-42 годов. Немцы были разбиты под Москвой. Фронт стремительно приближался к Велижу. Ходили слухи, что немцы в кратчайшее время собираются расстрелять всех евреев. Когда 29 января 1942 года части четвертой ударной армии вышли к Велижу, фашисты сожгли в гетто оставшихся 1400 евреев. Можно сделать вывод, что до этой даты были расстреляны около 8,5 тысяч евреев.

До меня ранее доходили слухи, что жену дяди Бориса Бэллу, урожденную Цодикову (рожд. 1903г.) и его дочерей – Раю (рожд. 1927г.) и Любу (рожд. 1932г.) фашисты сожгли в Велиже, но других сведений не было. Теперь же, с помощью данных, полученных от родственников из Израиля, можно с уверенностью утверждать, что так оно и было.

Велиж всегда был небольшим городком (штетл), поэтому вполне естественно, что очень многие горожане друг друга знали, здесь же находили женихов и невест и не удивительно, что так появлялись своего рода семейные кланы. Даже, когда молодежь уже не жила в Велиже, старшее поколение стремилось поддерживать контакты с выходцами из Велижа. Так, моя сестра после войны вышла замуж в Ленинграде за велижанина, к тому же еще троюродного брата. Наличие развитых семейных кланов дает основание предполагать, что в Велиже погибло очень много родственников, так или иначе связанных с фамилией Хорош (линия отца) и Клейнер (линия матери).

Велижан война находила и уничтожала не только в Велиже. Страшная судьба тети Фани, старшей сестры моей матери. Тетя Фаня Клейнер жила с мужем – Соломоном Маневичем и сыном Матвеем (Мотей) в Ленинграде. Во время войны остались в городе. Соломона похоронили в период ленинградской блокады. Фаня с взрослым сыном Матвеем, уже после блокады, решили «оттаять» после перенесенного, направились в Краснодарский край, куда пришли немцы и уничтожили их в 1944 году! Младший брат отца – Иосиф Хорош женился перед самой войной. В Ленинграде в 1942 году появляется на свет его сын Роман. Иосиф, провоевав всю войну, доходит до Берлина, и там погибает. Отец не видел сына, сын – отца!

Мой двоюродный брат Исаак Клейнер (племянник мамы) стал сапером, и подорвался на mine в первый же месяц войны! А его родители немного позднее, в числе упомянутых жертв велижского гетто, были сожжены.

Недавно позвонил из Москвы двоюродный брат и рассказал, что побывал в этом году в Велиже – городе своего детства, и дал дополнительную информацию. Мало было городов во время войны, в которых, как в Велиже, бои велись в черте города более двух лет. Город, освобожденный от гитлеровцев 20 сентября 1943 года, представлял собой руины и пепелище. Осталось около 20 каменных зданий. Синагоги, собор, церкви были разрушены. Население города составляло менее 600 человек, в том числе 32 выживших еврея.

После войны Велиж заселили другие люди – мигранты из разных районов Смоленщины. О былом населении города нынешние жители знают немного, но знают, что городок был цветущим, хорошим «еврейским городком». Память о многочисленных жертвах еврейского гетто отмечена более чем скромными знаками. Велиж – лишь один из многих еврейских городков, исчезнувших в огне Холокоста. Осталась память. «Расскажи сыну своему» – заповедь, обязывающая нас передавать следующим поколениям то, что

мы знаем, то, что мы помним. Это и подвигло меня написать данную статью.



Дядя Борис с женой Бэллой и Раяй (1930 г.)



Матвей (Мотя) – 1940 г.



Разрушенный Велиж



Слева направо – Люба, Рая, Стелла и Лева Хороши (1936 г.)



Старый Велиж

Архитектор Константин Гутин

В 2010 году исполнилось 100 лет со дня рождения архитектора Константина Яковлевича Гутина (1910 – 1976 гг.). Мое знакомство с ним состоялось в 1962 году, когда проектная контора «Совнархозпроект» Карельского Совнархоза была объединена с проектной конторой «Карелпроект» Совмина КАССР, и образовался проектный институт «Карелпроект». Я вошел в бюро главных инженеров проектов института в должности главного инженера проектов, а К. Гутин – в состав отдела генпланов в роли главного архитектора проектов.

Непосредственных пересечений в проектировании у нас не было. Константин Яковлевич разрабатывал генпланы различных населенных пунктов и проекты детальных планировок (ПДП), оставив, как выяснилось потом, объемное проектирование после внедрения в стране типового проектирования. Я же продолжал вести комплексное проектирование двух городов в Карелии и одного (Коряжма) – в Архангельской области.

Константин Яковлевич обладал скромной внешностью: невысокий рост, круглолицый, короткая стрижка. Обыватели, видимо, представляют архитекторов совсем иными. Мои родители были выходцами примерно из тех же местечек, что и Гутин, поэтому по внешнему облику К. Гутин напоминал мне любого из евреев-ремесленников тех времен – портного, скорняка, сапожника. А вот историк Николай Кутьков в заметке, посвященной К. Я. Гутину, написал: «...а с фотографии смотрит простоватое лицо провинциального бухгалтера, ничего героического». Это близко к моему впечатлению.

Разговаривал Константин Яковлевич очень тихо и также тихо смеялся, скорее – хихикал, когда слышал что-либо смешное, например, анекдот. Проектировщики очень тепло к нему относились и, в его отсутствие, называли его «наш Гутинька». Обеденный перерыв Константин Яковлевич никогда не посвящал еде: этот час он использовал для уличных прогулок (позднее я понял, что этим, видимо, укреплял свое не самое здоровое сердце). Ушел он из жизни в 66 лет неожиданно, скоропостижно: вернулся с работы домой, решил протопить на ночь печи (жил с семьей в собственном брусчатом доме, построенном по своему проекту), принес дрова, нагнулся к топке печи и... Сердце!

Так уж, к сожалению, случается в жизни, что, общаясь с человеком, не будучи его другом или товарищем, мало знаешь о нем – о его бытовой жизни и даже о его профессиональной деятельности. Первым моим знакомством с архитектурным творчеством К. Гутина было знакомство с гостиницей «Северная» в первой половине 1955 года после выбора города Петрозаводска на распределении при окончании ЛИСИ. Кто-то из студентов преподнес мне журнал «Огонек», на обложке которого (во весь лист) красовалась фотография с надписью: «Гостиница «Северная», город Петрозаводск». А во второй половине того же года, приехав в Петрозаводск работать, был поселен на три месяца в 4-х местный (!) номер этой же гостиницы, с постоянно меняющимися соседями (не был достроен жилой дом, в котором предстояло получить комнату).

До настоящего времени гостиница «Северная» (ее архитектурный образ, запечатленный на открытках, буклетах и т.д.) является визитной карточкой города Петрозаводска.

Так что с первым из объектов К. Гутина знакомство уже состоялось, а с автором-архитектором – через семь лет. О жизни Константина Яковлевича и обо всех объектах-зданиях, построенных по его проектам, узнавал постепенно в последующие годы.

Константин Яковлевич (Куша Янкелевич) Гутин родился 31 марта 1910 года в одном из местечек Белоруссии в еврейской семье, в которой отец был учителем. Евреи царской России, испытывавшие длительное время различные унижения, ограничения и проживавшие в черте оседлости, стремились дать своим детям достойное образование. Так было и с Константином Гутиным, которого родители отправили учиться на архитектора. В 1936 году он окончил Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ). Получил специальность архитектора. С этого же года, видимо по распределению, стал работать в Петрозаводске – в проектной конторе Наркомхоза Карельской АССР.

В числе проектов зданий, выполненных в довоенный период и не дошедших до нашего времени, следует отметить реконструкцию здания на Онежской набережной, занимаемого в прошлом губернской земской управой, под первый Дворец пионеров – Дворец детей, как его часто называли (1936-37 гг.). Бывшие пионеры отмечают, что интерьер здания был выполнен с большим архитектурно-художественным вкусом. К сожалению, Дворец был разрушен во время войны (1941 г.).

С началом Великой Отечественной войны К. Гутин становится командиром батальона оборонно-строительного полевого управления. Инженерные знания архитектора оказались востребованы в новых условиях. Однако, в начале 1942, Гутина отозвали с фронта, чтобы он возглавил проектную организацию, работавшую в эвакуации в Беломорске, куда переместилась столица Карелии на два с лишним года, до освобождения Петрозаводска.

Перед войной в Петрозаводске работали 11 архитекторов, По инициативе троих, в том числе и Гутина, был создан Союз Архитекторов Карелии. Гутин вошел в состав первого правление Союза.

Не имея в виду анализировать архитектурные достоинства (или недостатки) зданий, построенных по проектам К. Гутина (это успешно делают профессионалы-

архитекторы, в частности, Елена Ициксон), попробую перечислить только основные известные осуществленные проекты К.Я. Гутина:

1. Поликлиника НКВД (МВД) по ул. Кирова – 1937-38 гг.;
2. Жилой дом НКВД, угол улиц Дзержинского и К. Маркса – 1937-1938 гг.;
3. Жилой дом пограничников, пр. Ленина, 12 – 1939 г.;
4. Реконструкция здания финансово-экономического техникума под здание правительства – 1940 г.;
5. Реконструкция здания бывшей гимназии под Дом политпросвещения по ул. Куйбышева, 4 – 1945-47 гг.;
6. Реконструкция гостиницы «Северная», разрушенной в войну (была построена в 1939 году по проекту арх. Ю. Русанова) – 1948 г.;
7. Архитектурно-строительный техникум по ул. Энгельса – 1946-1952 гг.;
8. Здание Обкома КПСС (совместно с арх. Ф.Рехмуковым) – построено в 1952 г.;
9. Национальная библиотека по ул. Пушкинской (Гутин – победитель во всесоюзном конкурсе – 1945 г.) – построена в 1959 г.

Хочу привести цитату из статьи архитектора Елены Ициксон, посвященной творчеству архитектора Гутина, где она пишет о гостинице «Северная»:

«Визитной карточкой и Петрозаводска, и архитектора стала гостиница «Северная», реконструированная К. Гутиным в 1948 году. Изображение ее растроено в многочисленных изданиях, касающихся нашего города, – исторических, краеведческих, рекламных, туристических путеводителях, фотоальбомах, буклетах и на отдельных открытках. Сейчас ее знают все. Однако та, в первоначальном своем виде гостиница «Северная», построенная в 1939 году по проекту архитектора Юрия Русанова и почти полностью разрушенная во время войны, ничем не напоминает нынешнюю. Архитектурный образ, созданный Гутиным в неоклассическом стиле, отличается праздничностью и духом победного триумфа, напоминающего атмосферу послевоенного восстановления, несмотря на все тяжелые последствия военных лет».

Вышедшее в 1955 году Постановление ЦК КПСС «Об устранении излишеств в строительстве и проектировании» предусматривало полный запрет на архитектурную детализацию и использование элементов классического наследия. И сразу после этого в строительстве пришло типовое проектирование. Все это практически вывело архитекторов из активного участия в сфере строительства. К этому времени за плечами у К. Гутина было уже почти 20 лет интенсивной плодотворной работы. Его здания в Петрозаводске украсили центр города, но 1955 год стал переломным и в его творческой судьбе.

В запроектированные им в предшествующие 2-3 года объекты, начатые строительством, сам Гутин отказался вносить изменения в части снятия «излишеств», это уже делали без него. Он же не подписывал эти чертежи, как автор, и не включил эти объекты в свой перечень авторских работ. Видимо, в этот период, не признавая вошедшее в практику типовое проектирование, К. Гутин переходит на планировочные работы, которые всегда сохраняют свою индивидуальность.

Сопоставляя количество объектов, построенных по проектам К. Гутина – только основных зданий, построенных по его проектам – десять, с работами других архитекторов, можно утверждать, что Константин Яковлевич Гутин – один из самых плодовитых и заметных архитекторов Карелии.



К.Я.Гутин



Публичная библиотека



Дом Правительства



Дом НКВД



Гостиница «Северная», 1942



Гостиница «Северная»

Дирижер Юрий Аранович (К 80-летию со дня рождения)

Вскоре после того, как я приехал в Петрозаводск по окончании ЛИСИ в 1955 году, благодаря помощи секретаря горкома партии Прокуева Анатолия Ивановича был создан Клуб молодых специалистов (базируется в здании бывшего Дворца пионеров, ныне – Дворец бракосочетания). Он объединил молодых специалистов разных специальностей, как приехавших из других городов, так и местных выпускников. Туда заглядывал и молодой дирижер симфонического оркестра Карельского радио Юрий Аранович, с которым потом мы при встречах здоровались, но не более. Знакомые музыканты, которые играли не только в симфоническом оркестре, но и подрабатывали в других местах, говорили об Арановиче, что он очень интересный и своеобразный музыкант. Я помню,

что он был невысокого роста, изящный, очень подвижный и эмоциональный. Манера дирижирования у него была очень необычной – он высоко поднимал руки и этим напоминал взлетающего орла (это отмечал позднее и музыковед Сергей Яковенко).

Пробыл Аранович в Петрозаводске недолго, уехал в 1956 или 1957 году (сведения разнятся). Почему уехал мне не известно. Возможно, маловат был для него оркестр, либо слабоваты были музыканты. Для меня его след затем затерялся.

Дальнейшая информация получена из Интернета – из текстовых материалов, а также из воспоминаний певца и музыковеда Сергея Яковенко, который дружил с Арановичем и длительное время работал с ним на радио.

Родился Юрий Аранович в Ленинграде в 1932 году. В четырехлетнем возрасте остался без отца – репрессировали. Пережил ленинградскую блокаду, учился в музыкальной школе по классу скрипки, затем в Ленинградской консерватории. Его наставниками были Курт Зандерлинг и Натан Рахлин.

В Петрозаводск Аранович появился по окончании консерватории в 1954 году, видимо, по направлению, как было принято в то время. После недолгого пребывания у нас и совсем недолгого в Саратове, оказался в Ярославле – возглавил Ярославский симфонический оркестр, с которым проработал с 1957 по 1964 год. В этот период Ярославский симфонический оркестр стал очень популярным в стране благодаря молодому дирижеру Арановичу. В Ярославль с большим удовольствием выезжали на гастроли видные музыканты-исполнители, такие как Гилельс, Растропович и другие.

На Юрия Арановича в период его работы в Ярославле обратили внимание композиторы Хренников и Шостакович. По их рекомендации он был назначен в 1964 году руководителем и главным дирижером симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения – одним из ведущих в Советском Союзе. Рассказывают, что слышали от самого Арановича, как Тихон Хренников, рекомендуя Арановича коллегии Гостелерадио, зная об антисемитизме некоторых ее членов и, прежде всего, Председателя комитета Гостелерадио Лапина, произнес: «Аранович – дирижер блистательный, фамилия его, правда, может показаться не очень благозвучной, но знаете, будучи повторяемой в эфире часто – «Юрий Аранович, Юрий Аранович» – она очень скоро делается привычной ушам массового слушателя».

Период 1964-71 годы были исключительно плодотворным, как для Арановича, так и для оркестра Всесоюзного радио и телевидения. Одних только опер было исполнено и записано – 26 (!), не считая симфонической музыки.

Талантливый, но сложный и гордый человек, Аранович умел наживать врагов. К примеру, он мог отменить концерт, если ему не понравилась афиша. В то же время, был добр и отзывчив: не дослушать вопрос «Не могли бы Вы...» тут же отвечал «Да» – чего бы это ни касалось.

В 1971 году, будучи «невыездным», считая, что недооценен в СССР, Аранович подал документы на выезд в Израиль.

Сергей Яковенко вспоминает, как проходил его отъезд.

Шла запись оперы М. Копытмана «Касса маре». К дирижеру оркестра Юрию Арановичу подошел секретарь главного редактора Всесоюзного радио и что-то шепнул ему на ухо. Аранович тут же положил дирижерскую палочку и вышел. Потом выяснилось, что там ему был задан вопрос – действительно ли подал документы на отъезд в Израиль? Аранович подтвердил, и после этого ему заявили, что он не может быть допущен к дирижерскому пульту. Аранович тут же покинул студию звукозаписи, не подойдя к оркестру.

Юрий Аранович был членом компартии, в связи с чем, ему через день-два нужно было пойти в партбюро – возможно, сняться с учета, а там предположили, что он пришел покаяться. Аранович же написал заявление, в котором указал, что уезжает в Израиль для воссоединения с семьей (двоюродным дядюшкой) и «заверяет высокоуважаемое партийное бюро в том, что и за рубежом будет верен принципам свободы, братства, равенства и счастья людей» (*можно представить возмущение партбюро!*).

Сергей Яковенко, заехав к Арановичу домой после этих событий, ожидал увидеть растерянного, расстроенного человека, а увидел бодрого и жизнерадостного.

Как-то перед отъездом, когда Аранович пошел погулять с собачкой, его жестоко избили. Несмотря на 40-летний возраст, он не был женат, ухаживать за ним было некому. Коллегам делать это было небезопасно, однако скрипачки оркестра, сменяя друг друга, несколько дней приводили бывшего дирижера в порядок. В 1972 году, оправившись после нападения, Юрий Аранович улетел в Израиль и поселился в Иерусалиме. А на Всесоюзном радио все записи, сделанные оркестром под руководством Арановича, были запрещены к использованию на радио и телевидении, а затем размагничены (стерты).

В первые же дни пребывания в Израиле, Аранович встретил на улице израильскую девушку в военной форме с автоматом, которая ему очень понравилась. Попытка познакомиться с ней не увенчалась успехом. А через несколько дней, в гостях у своего знакомого, вновь встречает ее, предлагает стать его женой и получает согласие Галли (так зовут ее). Он усиленно изучает иврит, она, ради него, – русский. Прожили счастливо около тридцати лет – до его ухода из жизни...

Уже в январе 1973 г. Юрий Аранович с успехом выступил с Израильским филармоническим оркестром, впоследствии неоднократно дирижировал симфоническими оркестрами Хайфы и Ришон-ле-Циона; некоторое время был вторым дирижером Иерусалимского симфонического оркестра радио и телевидения, исполнив и записав с этим коллективом ряд музыкальных произведений, в том числе сочинения израильских композиторов. И опять неудовлетворенность. Если в Советском Союзе Аранович был «невыездным» дирижером (единственный раз гастролировал в ГДР в 1966 г.), то в Израиле не получил возможности стать руководителем какого-либо оркестра. В 1975 г. он стал главным дирижером и художественным руководителем «Гюрцених-оркестра» в Кельне (Западная Германия), пробыв в этой должности до 1986 г., а в 1982–1987 годах – главным дирижером Королевского симфонического оркестра Стокгольмской филармонии (был избран пожизненным членом этого оркестра). Аранович с успехом выступал, сделал ряд звукозаписей с лучшими оркестрами Европы, США и Японии, в том числе с Парижским, Лондонским и Венским симфоническими оркестрами. Кроме того, Аранович проявил себя как незаурядный оперный дирижер. Его дебют состоялся в 1974 г. в лондонском театре «Ковент-Гарден» постановкой оперы Мусоргского «Борис Годунов». Впоследствии Аранович работал во многих оперных театрах мира. Несколько раз он участвовал в оперном фестивале «Арена ди Верона». Итальянская музыкальная критика присудила ему премию за лучшую интерпретацию опер Пуччини. В 1984 г. Аранович стал членом Шведской королевской академии музыки; в 1985 первым из иностранных дирижеров был награжден рыцарским орденом Полярной звезды «за выдающийся вклад в музыкальную жизнь Швеции». Благодаря Арановичу было возобновлено исполнение некоторых незаслуженно забытых музыкальных сочинений («Орлеанская дева» Чайковского в Шведской королевской опере, «Царица Савская» Гольдмарка в оперном театре Турина) и другие. Он ввел в репертуар многих западноевропейских коллективов произведения израильских композиторов. В последние годы жизни Аранович успешно занимался педагогической работой, проводя дирижерские мастер-классы в ряде европейских музыкальных академий, в том числе в академии в Сиене (Италия) – одном из ведущих музыкальных заведений, воспитывающих дирижеров.

В 1982 г. в Израиле Аранович провел серию концертов с Иерусалимским симфоническим оркестром и с тех пор регулярно выступал с этим коллективом, а также с другими израильскими оркестрами. Все сборы от своих выступлений в Израиле Аранович передавал в фонды этих оркестров. В 1984 г. на концерте в День Независимости Израиля Аранович впервые дирижировал исполнением симфонии № 6 ля-минор ор. 79 Мечислава (Моисея) Вайнберга, написанной для хора мальчиков и симфонического оркестра в 1962-1963 годах. Созданная одновременно с Тринадцатой симфонией Дмитрия Шостаковича (при постоянной общении двух композиторов), симфония Вайнберга перекликается с ней темами войны, страданий, трагической судьбы еврейского народа. Последний раз Аранович выступил в Израиле с Иерусалимским симфоническим оркестром в 2000 г. на концерте, посвященном Дню Независимости. Юрий Аранович стал лауреатом премии имени Розы Эттингер, присужденной за вклад в музыкальную жизнь Израиля.

Живя в Израиле, Юрий Аранович опубликовал статью о композиторе Рихарде Вагнере. Очень важно, что именно музыкант такого масштаба, как Аранович, еврей, глубоко вник в полный объем творчества Вагнера, включая даже его переписку с супругой, сопоставляя тексты и музыку, и пришел к выводу, что музыка Вагнера не менее страшна, чем его слова и тексты. Она подтверждает и укрепляет уверенность в том, что Вагнер – озверелый нацист и антисемит, опередивший Гитлера в формулировании программы «окончательного решения еврейского вопроса».

Музыку Вагнера перестали играть в тогдашней Палестине еще в 1938 году. Было это после «хрустальной ночи» в Германии, когда создатель Палестинского филармонического оркестра, знаменитый скрипач Бронислав Губерман, вернувшийся из Германии, заявил, что Вагнера играть не будет, объяснив, что Вагнер – это символ нацизма.

И все же, в Израиле предпринимаются попытки исполнить произведения Рихарда Вагнера. В 1981 году, когда знаменитый Зубин Мета объявил о своем желании исполнить Вагнера, израильская общественность ответила грандиозным скандалом. Попытка была повторена спустя десять лет израильским дирижером и пианистом Даниэлем Баренбоймом, и реакция была такой же. В 2001 году Баренбойм все же исполнил фрагмент из музыки Вагнера с Берлинским филармоническим оркестром на фестивале в Иерусалиме. Это не изменило отношения к Вагнеру и его музыке в Израиле – Вагнер в глазах израильтян остается символом нацистской Германии, и игнорирование его музыки в сознании многих израильтян стало нерукотворным памятником шести миллионам евреев, погибших во время Холокоста. И в этом значительная роль принадлежит Юрию Арановичу.



Юрий Аранович



С Владимиром Ашкенази

По следам презентации книги

6 марта 2012 года в Национальном музее Республики Карелия состоялась презентация книги на русском языке «Тайны партизанской Торы» (*теологический детектив*), написанной бывшим немецким протестантским пастором Данквартом-Паулем Целлером, родившимся в 1924 году в немецком городе Тюбингене. В декабре 2010 года Пауль Целлер в возрасте 86 лет ушел из жизни, не дождавшись перевода своей книги на русский язык.

Автор книги с 1942 года по 1945 воевал против советских солдат, а с 1945 по 1949 год находился в русском плену. Вернувшись в Германию, изучал теологию в университете, служил викарием, затем пастором в разных городах Западной Германии.

В книге рассказывается история Свитка Торы, которая начинается в Венеции в семнадцатом веке, проходит через Хорватию времен Второй мировой войны и заканчивается в наши дни в Тюбингене и Петрозаводске. Книга автобиографична. Автор Данкварт-Пауль Целлер – пастор в четырнадцатом поколении, один из инициаторов побратимских связей между Тюбингеном и Петрозаводском. В 1938 году он, четырнадцатилетний мальчик, становится очевидцем поджога синагоги в одном из районов Штутгарта, видит унижения, которым подвергают местных евреев. В 1941 он присутствует при аресте двух евреев в пансионе его родителей, а в 1943 году наблюдает в Кракове медленно ползущий мимо товарной станции депортационный поезд, набитый людьми, еще не знающими, что через тридцать километров состав закончит свой путь в Освенциме.

Десятилетия критических размышлений привели протестантского священника к выводу, что уничтожение евреев фашистами не было исторической случайностью. Оно было духовно подготовлено антииудаизмом, который столетиями пестовала христианская Церковь. Таким образом, вину за преступления против евреев нельзя сваливать только на нацистов. Физическое истребление, за которым христиане наблюдали со стороны, было давно уже подготовлено теологически.

Эта книга и о судьбе петрозаводчанина, прошедшего ад немецких концлагерей, затем – основателя Музея памяти жертв фашизма в Петрозаводске, чье единственное имя автор оставил в книге без изменения. Его имя – Вадим Мизко. Книга также об истории дарования христианами Тюбингена Свитка Торы евреям Петрозаводска, что позволило им стать полноценной общиной.

Чтение книги привело меня к воспоминаниям...

В начале 70-х годов прошлого столетия меня познакомили с неким Вадимом Мизко – художником-дизайнером отдела промышленной эстетики БОПа. Жил он с женой и двумя сыновьями на улице Красной, в одноэтажном бревенчатом доме с небольшим земельным участком, который занимали, в основном, два сарая. Аналогичными домами была застроена остальная часть улицы Красной – на участке от улицы Комсомольской

(сейчас – им. Андропова) до улицы Энгельса. Эти дома были снесены в связи со строительством Дворца пионеров в 1980-85 годах.

В начале 1974 года, когда я приобрел автомашину ВАЗ, а гаража не было, мой приятель предложил обратиться к Вадиму Мизко (у него уже был красный «Жигуленок»), с просьбой поставить машину на его участке. Вадим тут же откликнулся и даже предложил для нее свободный сарай. С этих пор мы с Вадимом стали общаться, я бывал у него дома, он у меня. Не скрою, бывало, вместе «брали по рюмочке», совмещая с различными беседами. Несколько раз вместе выезжали на рыбалку. Не могу не вспомнить еще одного «члена семьи» Вадима – огромного дога по имени Ярд (домашние называли его Яшкой). Яшка хорошо запомнился мне тем, что в первые же дни появления моей машины на участке, он прыгнул на ее капот... и оставил когтями хорошие следы на полированной поверхности.

Вадим был доброжелательным, непосредственным, отзывчивым и обязательным человеком. И к нему, соответственно, нельзя было относиться иначе. Вспоминаю, когда я уже приобрел гараж и не держал машину на участке его дома, в какое-то воскресное утро звонит мне по телефону Вадим и просит выручить: он с двумя приятелями «хорошо провели время» с субботы на воскресенье в Косалме, и просит вывести их оттуда. У меня не было ни минуты колебаний. Тут же бросил все дела, добрался до гаража (на противоположной конце города), поехал и вывез их – Вадиму нельзя было отказать ни в чем.

Вадим Мизко никогда не рассказывал о своем прошлом. Через много лет я узнал, что он был узником немецких концлагерей, и понял, что вспоминать о прошлом ему было тогда трудно, больно, да и опасно.

Возвращаюсь к книге.

1989 год. Активисты города Тюбинген, в числе которых был и Пауль Целлер, выбрали Петрозаводск в качестве будущего города-побратима. Пауль Целлер, находясь в Петрозаводске, поинтересовался, есть ли в Петрозаводске бывшие узники нацистских лагерей, и его познакомили с Вадимом Мизко, который к тому времени уже возглавлял региональный Союз малолетних узников концлагерей в Германии. Это знакомство привело к их большой многолетней дружбе, пониманию того, что должно наступить примирение и взаимное прощение двух народов. Дружба дала серьезные и ощутимые результаты. С помощью немецкой молодежи позднее было благоустроено захоронение военнопленных немецких солдат в Петрозаводске; при помощи Пауля Целлера был собран в Германии ценнейший материал, давший возможность Вадиму Мизко создать Музей памяти жертв фашизма, который в наше время, сохраняя память о страшном историческом прошлом, призван воспитывать солидарность, миролюбие, человечность и толерантность.

В тот же период, когда Пауль Целлер познакомился с Вадимом Мизко, он поинтересовался наличием в Петрозаводске евреев, их количеством, как организована их жизнь, есть ли в городе синагога. Целлера познакомили с Дмитрием Цвибелем, Александром и Ириной Зайденберг – активистами общества «Шалом». Они объяснили Паулю Целлеру, что синагоги в городе нет, и нет потому, что нет денег на приобретение Свитка Торы. Пауль Целлер, не представляя еще масштаба проблемы, пообещал Свиток Торы для Петрозаводска достать.

Организация сбора денег в Германии, поиски возможного для приобретения экземпляра Свитка Торы – и в итоге наступил момент (18 июля 1996 года), когда в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга Свиток Торы был торжественно передан евреям Петрозаводска.

И вновь о Вадиме Мизко, о том, чего я не знал многие годы.

Родился Вадим 19 сентября 1926 года на Украине в Полтавской губернии. Ему было 16 лет, когда пришли фашисты в городок Глухов, где тогда он жил с родителями. В первый же месяц оккупации отца расстреляли в присутствии его и матери, обвинив в связи с партизанами. Вадима фашисты забрали и увезли в Германию, матери он никогда больше не видел. Так начались его скитания по концлагерям Гросс-Розен, Дора, Бухенвальд и Заксенхаузен.

Чудом выживший, он дал себе клятву донести до многих-многих людей ужас фашистского «механизма» уничтожения людей. Создание Союза малолетних узников концлагерей и Музея памяти жертв фашизма имени Максимилиана Кольбе (католического польского священника, добровольно пошедшего в газовую камеру вместо незнакомого ему человека, отца семейства) – доказательство того, что Вадим Мизко осуществил свою клятву. Имя Максимилиана Кольбе дано Вадимом Музеем не случайно. Дело в том, что в лагере Заксенхаузен из барака, в котором размещался Вадим, трое заключенных совершили побег. Руководство лагеря заявило, что если они не вернуться, то каждый десятый заключенный барака будет расстрелян. При расчете Вадим оказался десятым, но шарфюрер СС посмотрел ему в глаза и, пожалев мальчишку, взял одиннадцатого – близкого Вадиму старшего товарища. Вадим Мизко всю жизнь пытался искупить «вину» за то, что его товарищ был казнен вместо него.

Как уже было сказано, Пауль Целлер оказал помощь в создании синагоги в Петрозаводске и создании Музея памяти жертв фашизма. Петрозаводская еврейская община на базе музея создала Информационный Центр по Холокосту, Антисемитизму, Ксенофобии (ИЦХАК). Там проводятся совместные с Музеем мероприятия по ознакомлению молодежи с историей, с ужасами, принесенными нацистами на нашу землю, воспитанию толерантности.

Не могу не вспомнить еще об одном упомянутом герое книги.

Когда я начал посещать синагогу в 2008 году, с удивлением узнал о том, что мой бывший коллега по институту «Карелпроект», главный специалист-электрик Левин Ефим Львович (Лейбович) является в синагоге главным знатоком Торы и иврита, на котором и читал молитвы и Тору. Оказывается, он в детстве учился в хедере (еврейской начальной школе) и память многое сохранила. В петрозаводской религиозной общине он считался раввином. Ефим Левин был знаком с Паулем Целлером с первых его контактов с еврейской общиной. К сожалению, к моему приходу в синагогу Ефим Лейбович был уже тяжело болен, и на службах не появлялся. Мне удалось несколько раз пообщаться с ним по телефону. Поначалу он был несколько удивлен моему появлению в синагоге, но потом я почувствовал его одобрение и удовлетворение. К сожалению, вскоре Ефим Лейбович скончался на 93-м году жизни.

В последние годы контакты с Вадимом сводились к случайным встречам на улице, и это объяснимо – взаимная занятость работой, семьей, да и возраст. Однако, при встречах, он по-прежнему был искренен, доброжелателен и по-прежнему называл меня Левочкой. Теперь уже рассказывал о своей работе в Союзе малолетних узников концлагерей и организации Музея, частых поездках в Германию. Вместе с Верой Александровной (второй женой Вадима) неоднократно приглашали меня с супругой на дачу.

Проходит время. Узнаю, что у Вадима Мизко появился заместитель по Союзу малолетних узников – Бордановский Владимир Леонтьевич, мой коллега – строитель, с которым проработали в тесном контакте более двадцати лет. Он руководил УКСом администрации города Петрозаводска, я был заместителем директора института

«Карелпроект» – основного проектировщика комплексной застройки жилых районов и отдельных объектов города. О том, что Бордановский в 3-4-х летнем возрасте попал под оккупацию фашистов на родине – в Белоруссии, я знал ранее.

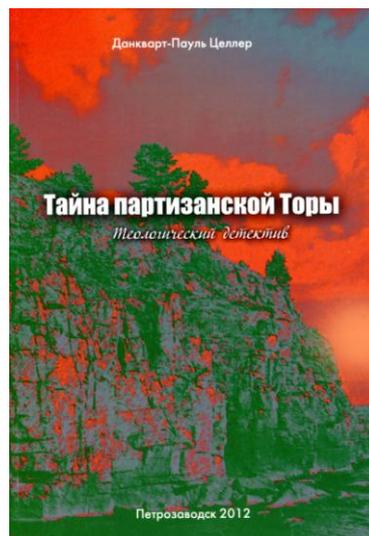
В 2005 году стало известно, что Вадим Николаевич Мизко серьезно болен. Во второй половине года, посоветовавшись, я позвонил по телефону перенесшему операцию Вадиму. Он довольно бодро и обрадовано (так мне показалось) поприветствовал меня и заявил, что как «покрепчает» еще немного, соберемся и выпьем по рюмке за здоровье. Не довелось – 1 февраля 2006 года, после второй операции, Вадима Николаевича Мизко, основателя Музея памяти жертв фашизма, не стало.

Накануне второй операции журналист Николай Кутьков имел беседу с Вадимом Мизко в больничной палате. Фрагменты этой беседы были опубликованы в еженедельнике «ТВР панорама» 18 января 2006 года под рубрикой «Жизнь замечательных людей». Публикация даже фрагментов беседы оставила у меня такое впечатление, будто Вадим чувствовал, что это последняя его серьезная беседа, и был в ней очень откровенен.

Возвращаясь к книге «Тайна партизанской Торы», хочу настоятельно порекомендовать тем, кто еще не успел, – прочесть ее. Важность темы, глубокое знание теологических, исторических и фактических материалов делают книгу исключительно ценной. Эта книга содержит некоторую информацию, имеющуюся в предыдущей книге, презентованной ранее немецкими друзьями – «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви», но это не умаляет ее достоинств.



Пауль Целлер и Вадим Мизко
на немецком кладбище в Петрозаводске



Книга «Тайна партизанской Торы»



Вадим Мизко в Музее

Превратности судьбы

В Интернете, на сайте «7 дней» (7DN.RU)/Караван историй/ обнаружил материал Константина Купервейса – «Жизнь со «Звездой». Я назвал бы этот материал исповедью...

Константин Купервейс – московский пианист-виртуоз, аранжировщик и композитор. Поводом для «исповеди» явилось обнаруженное им в одном из желтых еженедельников интервью его бывшей супруги, с которой он прожил 17 лет и развелся 19 лет назад.

Так вот, этому желтому еженедельнику «Звезда» сообщила: «Мои мужья – это отбросы и обмылки...» А дальше еще много-много гадостей о них.

Константин познакомился со «Звездой» в 1973 году (ему было 23 года, ей – 38). Он был пианистом и аранжировщиком в эстрадном оркестре, который аккомпанировал «Звезде» на концерте. После концерта она подошла к Константину и дала высокую оценку ему, как музыканту. Потом были еще профессиональные встречи, на одной из которых «Звезда» поделилась – как она одинока и как страдает по поводу ухода из жизни любимого отца. Константин, сочувствуя, пригласил ее на свой будущий день рождения – в дом родителей. Обещала быть...

Гостей ждали к 16-ти часам. «Звезда» появилась в 22, когда почти все разошлись. Села за рояль, и играла и пела до утра (бедные соседи). Потом они стали встречаться. Отец Константина, Тобяш Давидович, видя серьезное увлечение сына, сказал ему: «Опомнись! Разница в возрасте – дело второе. Первое – разница в статусе. Она сначала превратит тебя в кролика, а потом съест. Ты совершаешь большую ошибку»...

Прерву изложение.

Однажды я спросил у Дмитрия Цвибеля, как музыканта, знаком ли ему пианист с фамилией Купервейс? «А как же, – ответил Дима, – он был моим преподавателем года полтора в петрозаводском Музыкальном училище». Я усомнился – не подходит возраст Константина. Разобрались. Дима имел в виду отца, Тобяша Давидовича Купервейса, который, оказывается, тоже пианист, музыковед, и в начале 60-х годов работал в Петрозаводске! Я был поражен – как тесен мир! А затем Дима дал мне почитать две книги. Первая – «Последние свидетели» (из серии «Анатомия Холокоста»), изданная в Москве в 2002 году, в которой приведены воспоминания более 60-ти евреев, переживших Холокост, в числе которых – Тобяш Купервейс (в числе других – известный в Карелии Семен Бекенштейн). Вторая книга – «Путешествия Вениамина IV» Тобяша Купервейса, изданная в Москве в 1998 году (написана в 1995-98 годах) тиражом 500 экземпляров, в которой автор повествует о своей судьбе, судьбе своих близких, о событиях в стране и мире, с которыми пришлось соприкоснуться. Поразительное переплетение событий и необычайная судьба Купервейсов подвигли меня на настоящую компиляцию.

Продолжаю.

Так вот, семнадцать лет семейной жизни Константина со «Звездой» (это ее четвертый брак) были наполнены унижениями с ее стороны, скандалами, необоснованной ревностью. Это при всем том, что он в 23 года стал полноценным «отцом» 14-летней дочери «Звезды» с первых же дней (Маша сама попросила разрешения называть его папой), совмещал работу музыканта в разных местах с ведением всего домашнего хозяйства. И даже тогда, когда Маша, выйдя замуж, должна была рожать, то именно Константин отвез ее в роддом и забрал оттуда с сыном. Муж Маши был в командировке, а у мамы ее не было времени. Константин очень хотел иметь в браке своего ребенка –

продолжателя рода Купервейсов, но «Звезда» категорически отказывалась. Одна из причин – помеха в карьере, но, видимо, были и другие...

«Звезда» всегда стремилась оставлять своего мужа и постоянного аккомпаниатора в тени. В частности, когда режиссер Анатолий Эйрамджан предложил Константину написать музыку к своему фильму, «Звезда» среагировала: «Какой из него композитор, он же рядовой пианист». В фильме звучат его песни, но в титрах в качестве композитора указана фамилия... «Звезды».

Негатива в их отношениях добавляло еще и то, что «Звезда» с первого дня невзлюбила родителей Константина и, в результате, не посещала их дом и не приглашала в свой. В книге «Путешествия Вениамина IV» Тобяш Купервейс, отец Константина, очень коротко, на фоне остальных событий, описанных в книге (а написана она за 12-15 лет до «Исповеди» сына), упоминает этот неудачный брак. При этом, нужно отдать ему должное, – ни разу не назвал имени «героини»...

А теперь немного о самих «Путешествиях...» Тобяша Купервейса. Это – воспоминания о его жизни, наполненной многими трагическими и сложными событиями, проживанием и работой в различных городах, встречами со многими, хорошими и плохими, людьми. Воспоминания содержат значительный объем знаний в разных областях, написаны отличным языком с включением тонкого юмора, самоиронии и различных выражений на языке «идиш». Читаются воспоминания, как говорят, «на одном дыхании». Постараюсь быть кратким...

Родился Тобяш Купервейс в Варшаве в 1922 году. Отец – польский еврей, мать – еврейка из под Минска. К 1939 году окончил колледж и музыкальную школу. 21 сентября 1939 года немцы начали бомбить Варшаву – началась вторая мировая война. Немцы пришли в Варшаву. Дважды был на волосок от смерти. Первый раз его спас самоотверженный труд. Во втором случае спасла музыка. В подвале здания, куда его вели на расстрел, под обломками штукатурки и кирпича в пыли Тобяш увидел пианино и попросил немца разрешить сыграть. Заиграл сонату Бетховена... Немец приказал ему бежать – шнель! – и выстрелил в воздух.

В 1940 году родители направили его в Гродно – навестить дядю (немцы беженцев в сторону СССР еще пропускали), затем, с напутствия родителей, начал сдавать экзамены в Минскую консерваторию. Последний экзамен предстояло сдать 23 июня 1941 года, но в этот день Минск уже горел – бомбили. Бежал, ехал – оказался в Самарканде. На фронт не взяли, и работы не было. Решил, ради стипендии, поступить в какой-нибудь ВУЗ (были дополнительные наборы для эвакуированных) и поступил даже в два – Медицинский и Сельскохозяйственный (на ветеринара), но выбрал первый. Учиться не удалось – институт ликвидировали. Попал на «трудовой фронт». Был и землекопом, токарем, слесарем, помощником кузнеца.

После многих очередных злоключений вернулся в Минск, в консерваторию. Там его застал конец войны. Принял предложение ректора консерватории поехать на два года на периферию – в творческую командировку – в Гродно. В разрушенном городе родственников не осталось. Преподавал в музыкальной школе и играл в Белорусском ансамбле Песни и пляски.

Хотел вернуться в Польшу – не дали. Удалось не стать агентом НКВД. Познакомился с Еленой Николаевной (Лялей) – пианисткой, преподававшей в музыкальной школе. Вскоре поженились. Странно, но ей также не давали покоя «спецорганы». Умные люди посоветовали сменить место проживания и работы. Вновь Минск – консерватория и подработки в разных коллективах.

1948 год... В январе в Минске убивают Соломона Михоэлса, в мае создается государство Израиль (у Тобяша своя версия, он связывает эти два события – ведь он был в то время в Минске). Кампания против «безродных космополитов»...

1949 год... Родился сын – Константин (появился второй Купервейс). Ликвидирован Белорусский Государственный еврейский театр, в котором Тобяш руководил оркестром, – последний среди еврейских театров страны...

1950 год... Получен консерваторский диплом (после десяти лет обучения). В Минске не оставляют – началась «кампания за чистоту национальных кадров». Далее: Витебск, Гродно, Ленинабад, Львов... Дело врачей. Рождение дочери Диночки и тут же ее смерть. Психологическая травма – необходимость покинуть Львов. Объявление в «Советской культуре» подсказало Петрозаводск.

1959-62 годы... Петрозаводск встретил «путешественников» приветливо. Цитата из книги: «Предоставили прекрасный номер в гостинице «Северная», город... покорила нас красотой природы, необыкновенной чистотой улиц и удивительными спокойствием и порядком». Ожидали встречу с Председателем Горисполкома, так как, прежде, чем предоставить приглашенным специалистам квартиру, глава города желал лично познакомиться (вот какая была традиция!). Поехал во Львов, чтобы оформить все документы, связанные со сменой работы и учебы Кости, а когда вернулся, – жена вручила Тобяшу ключи от замечательной двухкомнатной квартиры в центре города.

Костя, участь в музыкальной школе, «уплотнил» восьмилетнее образование и в 1962 году поступил в музыкальное училище. Существовали ограничения в работе по совместительству. Тобяш получил разрешение на полторы ставки от Министерства культуры КАССР – работал в училище и музыкальной школе и, как и в других городах, занимался концертной деятельностью, в частности, аккомпанировал Сиркке Рикке.

Органы Госбезопасности вновь «находят» его и предлагают сотрудничество. Вновь надо думать о продолжении «путешествия» – о переезде, на этот раз – на Юг. После длительных поисков нашелся подходящий обмен с Ереваном – трехкомнатная квартира в центре.

1962-66 годы... Ереван. Музыкальная жизнь города насыщена... Языковой барьер, но Костя успешно оканчивает музыкальное училище. Издавна мечта – перебраться в Москву – на родину жены... После нескольких лет усилий – удалось.

С 1966 года – Москва... Профессиональные дела складывались по-разному: и успешно, и конфликтно. Костя в 1967-69 годах отслужил в армии и вернулся на прежнюю работу – в вечернюю Музыкальную школу для взрослых. Появился широкий круг знакомств, в том числе – с музыкантами Москонцерта. Костю пригласили в Московский Диксиленд. Отец в какой-то степени завидовал сыну: Костя в совершенстве владел инструментом в недоступном отцу жанре, извлекал невероятные гармонии. Когда в Союз приехал известный певец Рафаэль, из представленных ему пианистов он выбрал Костю. Костя выступал со многими знаменитостями, в том числе, с Майей Кристалинской. Затем «случайно» женился, но, к счастью, быстро и спокойно расстались. Не очень горюя, женился во второй раз, – на «Звезде», и этот брак тянулся 17 лет!

Тобяш в книге отметил: «Про невестку скажу – *a mecie fun a ganef* (удачная покупка у вора – *идиш*). Завистлива, бессердечна, эгоистка, хищница».

Любовь, общие профессиональные интересы, поездки по стране, за рубеж, шикарная жизнь, ссоры и примирения, и снова ссоры. В итоге, сын вынужден был вернуться к родителям. А потом Костя осчастливил родителей – привел в дом Наташу, с которой давно был знаком, и она стала для родителей не только отличной невесткой, но и дочерью (взамен скончавшейся во Львове Диночки).

.... 9 мая 2011 года по телеканалу «Культура» был повторен известный концерт «Звезды». Аккомпанировал рояль, но аккомпаниатора ни разу не показали. С нетерпением ждал окончания передачи, чтобы увидеть в титрах, кто аккомпанировал, и год записи концерта. Дождался. Автор композиции – «Звезда», аккомпаниатор не указан, год записи концерта – 1980, то есть на 7-ом году совместной жизни! Комментарии излишни.

Константин Купервейс написал: «Мне есть, о чем жалеть. О том, что не реализовал свой талант музыканта и композитора, о том, что у меня нет, и никогда не будет, своих детей, а у моих родителей – внуков. Но за все эти девятнадцать лет я ни разу не пожалел о том, что ушел от «звезды» по имени Люся Гурченко».



Семья Купервейс



Константин Купервейс



Книга